

А. М. Горький в Арзамасе

Дореволюционный Арзамас являлся воплощением засилья купцов и церковников, мещанской косности и той особой «тишины», которая, как болото, засасывала все живое, человеческое. Именно этими качествами Арзамас и привлек царских чиновников, когда они решали вопрос о высылке Горького из Нижнего без суда и следствия. Стоящее болото Арзамаса должно было, по их мнению, разлагающее подействовать на мятежный дух писателя, умерить его революционный пыл. Но получилось обратное: именно здесь, в глуши арзамасской обывательщины, родилось, как мы знаем, знаменитое горьковское изречение — «Человек! Это звучит гордо!». Оно прозвучало на весь мир, как протест писателя против всего косного, тупого, предельно обывательского. Именно здесь была создана Горьким пьеса «На дне», обоженная впоследствии сцены многих стран мира. А свои впечатления от Арзамаса Горький выразил в произведениях, бичующих страшные нравы этого поистине глухого угла революционной России. «Городок Окуров» — яркий тому пример.

Приезд Алексея Максимовича отчасти нарушил вековую спячку Арзамаса и доставил много хлопот полиции: ведь прославленный писатель поступал под ее гласный надзор. Жители же Арзамаса и соседнего с ним села Выездного начали настояще поломничество к небольшому дому, в котором поселился Алексей Максимович в мае 1902 года. Их интерес не был праздным любопытством. К Горькому-писателю, Горькому-человеку их влекла надежда получить ответ на многие волнующие вопросы, узнать правду жизни. Вот почему к Горькому шли и рабочие, и учителя, учащиеся, сапожники-кустари. И он охотно встре-

чается с каждым из них, беседует с ними со свойственной ему простотой и сердечностью.

Евдокия Николаевна Воронкова, работавшая у Горького поварихой, вспоминая о ссылке Горького, говорит:

— Сослали Горького сюда, в Арзамас. Приехал он, снял квартиру. А как снял квартиру, стали искать, кто бы ему готовил. А про меня знали, что я вроде как повариха, готовить умею. Ну и обратились ко мне. Стала я у Горького готовить. Уходила к нему на квартиру часов в семь утра, там и была весь день. Сначала меня полицейские все выспрашивали, у окна на улице они стояли, ровно на часах, дежурили. Пост это у них прозвывалось. Идешь, бывало, к Горькому утром, они спрашивают:

— Куда идешь?
— Иду готовить.
— Ну, иди!

После перестали спрашивать, видят, человек по делу идет. Да и я не из робких была.

Иной раз полиция да разные всякие все выспрашивали меня: кто к Горькому ходит, да что у него там? А я все говорю: — Не знаю. И, вправду, откуда мне знать было?

Как следствие называвшего полицейского надзора, мелькают в воспоминаниях жителей Выездного и Арзамаса фигуры стерегущих Горького полицейских ищеек. И эти воспоминания неединичны. Пенсионер-учитель Алексей Иванович Мелентьев рассказывает о бывшем в Арзамасе приставе Данилове и его слежке за Горьким.

— Сидел Данилов обычно в тени лип, на противоположной стороне, против дома, где жил Горький, наблюдал, кто у него в гостях. И кого считал подозри-

тельный — брал на заметку. Сидел он неотступно, с места не сходил. Мы сами сколько раз его видали. А не видать было невозможно — уж очень он сидел приметно.

Иван Сергеевич Кобызов, кустарь-сапожник села Выездного (позже работник прилавка), вспоминает о случае, связанном все с той же назойливой слежкой.

— Пришел к нам Горький в Выездное. А сюда он часто заходил. Сидим мы у Бабикова Алексея, одного из наших товарищ, уже темнеть начало. Ребята песню запели. Вдруг хозяйка вбегает:

— Полегче пойте, а то к нам стражники подъехали.

Мы, конечно, пение прекратили. Стала домой собираться. А кто-то говорит:

— Надо, ребята, Алексея Максимовича домой проводить...

Пошли провожать его все. Мы идем, а за нами стражники едут, и все ехали следом, вплоть до самого города.

Рассказы сапожников — кустарей подтверждают местные предания о том, что Алексей Максимович часто избирал для своих прогулок Утешную рощу, находившуюся в Выездном. По преданиям, хранящимся в Выездном и Арзамасе вплоть до наших дней, можно предположить, что в этой роще происходили знакомства и встречи Горького с кустарями.

— В одно прекрасное утро, рассказывают они, Горький действительно пришел к Алексею Бабикову, сапожнику, жившему в Выездном. Мы сидели в то время у него и, как Горький пришел, позвали его в садик. Там он и разговаривал с нами, рассказывая о рабочем движении в разных местностях России.

Арзамасцы до сих пор помнят, как

им случалось видеть Горького в окнах его дома: то сидящим за большим столом около керосиновой лампы и что-то диктующим, то задумчиво смотрящим на улицу, прислонившись к подоконнику, то ходящим по комнате с заложенными за спину руками и опущенной головой. Многие встречали Горького на улице, одетого в крылатку, с палкой в руках и тотчас узнавали его по портретам, а узнав, останавливались, здоровались и долго смотрели ему вслед.

Таких рассказов в Арзамасе существует немало. Но есть рассказы и другого рода, более сложные по своей сущности. Они показывают, что жителей Арзамаса интересовал не только внешний, но и внутренний облик Горького, его настроения, мысли, чувства. Так, старый учитель Дмитрий Михайлович Корнилов раскрывает в одном из своих воспоминаний характерную для Горького любовь к родной природе, родным местам.

— Пришел я к Храброву. А это был либеральный инспектор народных училищ, много содействовал он распространению нелегальной литературы среди крестьян через нас, учителей. Так вот, пришел я к Храброву, узнаю: у него сидит Горький.

Я, было, хотел уйти, да Храбров потащил меня в комнаты: — Ты что, говорит, людей бояться стал? — Пришлось подчиниться.

Вхожу — там целое общество у него. А я никого, кроме Алексея Максимыча, не вижу. Поздоровался он со мной, подал руку и стал с Храбровым продолжать свой разговор. Я, конечно, сижу, молчу.

Вышли все после в сад. Горький вперед всех побежал наверх, прямо к березкам. А Храбров кричит ему вслед:

(Окончание на 4 стр.).

А. М. Горький в Арзамасе

(Окончание. Начало на 3 стр.).

— Удивить мы вас здесь, в Арзамасе, ничем не можем, Алексей Максимыч, самые обыкновенные деревья у нас.

А Алексей Максимыч отвечает, сам к березке прислонился:

— Люблю березу! Родней и милей этого дерева я не встречал!

К Горькому в Арзамас приезжали Леонид Андреев, Владимир Немирович-Данченко, Степан Скиталец.

— Один раз,—рассказывает все тот же учитель Корнилов,—подошли мы к дому Горького, слышим — чудесная музыка раздается. Что это, думаем. А это, оказывается, Скиталец на гуслях играет. Да так играет жалостливо — даже слезу прошибло. Никак нельзя было равнодушно слушать эту музыку.

Он же вспоминает посещения Алексеем Максимовичем так называемого Мокрого оврага, где жил священник Ф. И. Владимирский, получивший прозвище «водопроводный поп» за немалые труды по проведению водопровода в Арзамасе. Не-

принужденно чувствовал себя там Горький в кругу родных и друзей:

— Прихожу к «водопроводному попу»,—говорит Корнилов,—а у него под балконом мезонина сидят за столом Горький с Катериной Павловной, писатель Андреев и еще какие-то люди.

Чаю попили, поговорили — встал Алексей Максимыч с лавки и лег на траву. Руки закинул за голову, отдыхает.

Вдруг из-за дома выбегает Максим, его сын. Маленький он тогда был, лет пяти. С разбегу как кинется к отцу, сел на него, а Алексей Максимыч как захочет:

— Эх, ты, чертенок!

Поднялся на ноги, схватил Максима, начал его подбрасывать и ловить. А после взял корзинку, и все пошли в лес собирать грибы.

— Что это у вас в корзинке, Алексей Максимович? — спрашиваю я, когда уже все понабрали грибов вволю.

— Дупляк, славная штука! Люблю собирать грибы! — отвечал он.

Простой в обращении, гуманный человек, Горький таким выступа-

ет и в рассказах уже знакомой нам Воронковой:

— Алексей Максимыч приветливый, уважительный был. Как встретит, всегда поздоровается:—Здравствуй, Дуня! А чтобы молчком да бочком пройти, без внимания—этого не бывало, нет.

В кухню ко мне сколько раз заходил! У них, у Горьких-то, самовар тяжеленный был, большущий. Женщине тот самовар и не поднять, не то что тащить, а Горький один его таскал, когда нет никого. А то гостей посыпал таскать, говорил: «Чай, не Дуне с ним надрываться!»

Он и сына моего Ванюшку помог выучить. Говорит как-то мне: — Поеедем с нами в Нижний! А я ему: — Как я поеду, коли Ванюшка здесь в школе городской учится и книжки ему дают бесплатные. Тогда Горький говорит: — Ладно, мы все устроним и книжки Ванюшке купим, — поехать сможешь.

И вправду все устроил. Так я и уехала с ними в Нижний.

Она же вспоминает, как внимательен был Горький к людям, как был готов помочь им в нужде и как его

пример заражал всех, кто с ним со-прикасался.

— Влетел ко мне в кухню однажды мужчина какой-то разутый, раздетый, без рубашки — глядеть на него страшно. Я с ходу-то и сунула ему свои галоши с валенками. После, как домой пришла, вздумала об этих галошах и так жалко мне их стало! А как поглядела на Алексея Максимовича — совесть замучила: он-то, голубчик, больше нашего дает, не жалеет. И выкинула эти галоши из головы.

Интересны и другие факты, рассказанные арзамасцами и раскрывающие все те же черты Горького, так доброжелательно настроенного по отношению к людям.

Перед отъездом Горького из Арзамаса один из местных инженеров попросил у него для канцелярии большой чайный стол. Горький, конечно, пообещал дать. А когда несколько позднее с той же просьбой, но уже для библиотеки-читальни обратился к нему один из учителей, Горький сказал сокрушенно:

— Эх, батенька! Где жы вы раньше были! Стол-то ведь я обещал уже раньше инженеру!

И он огорчился своим отказом чуть-ли не больше самого учителя.

Зато, как он был доволен, когда

мог удовлетворить какие-нибудь просьбы, например, достать билеты в театр арзамасцам, приехавшим в Нижний посмотреть его пьесы, или послушать Шаляпина. Он собственноручно писал записки, прося антрепренера театра пропустить людей, и был искренне рад, когда видел их на хороших местах.

* * *

Мы с трудом узнаем теперь старый Арзамас, его улицы, площади, бульвары. Они выглядят иначе, чем при Горьком. Советское время значительно изменило его внешний вид. Нет больше купеческих домов и лавок, их место заняли школы, библиотеки, клубы. Много перемен внесли в жизнь города построенные здесь Дворец пионеров, педагогический институт, драматический театр, краеведческий музей.

Изменились и люди в Арзамасе. У них иные требования к жизни, иной подход к ней. Не всем посчастливилось в памятные для Арзамаса дни видеться с Горьким, беседовать с ним, ощущать на себе благотворное влияние его большой души. Но те, кто видел его, тепло рассказывают об этих встречах своим землякам.

Н. КОМОВСКАЯ.